

Николаева Наталья Никитична, Энхбадрах Санждорж

НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА БАРГУТОВ: СЮЖЕТЫ И МОТИВЫ

Целью статьи является рассмотрение сказочной прозы баргутов - малочисленного монгольскоязычного этноса Китая. В сравнительном ключе проанализированы нарративы мифологического, генеалогического и исторического порядка баргутов, бурят и халха-монголов. В целом отмечается, что баргутская устная повествовательная традиция демонстрирует разнообразие сюжетно-мотивного фонда, устойчивость персонажного состава, хорошую сохранность общемонгольских параллелей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-4/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 4. С. 42-45. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-343.4

Целью статьи является рассмотрение несказочной прозы баргутов – малочисленного монголоязычного этноса Китая. В сравнительном ключе проанализированы нарративы мифологического, генеалогического и исторического порядка баргутов, бурят и халха-монголов. В целом отмечается, что баргутская устная повествовательная традиция демонстрирует разнообразие сюжетно-мотивного фонда, устойчивость персонального состава, хорошую сохранность общемонгольских параллелей.

Ключевые слова и фразы: традиция; несказочная проза; мифы; предания; устные рассказы; монгольские народы; сюжет; мотив.

Николаева Наталья Никитична, к. филол. н.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии

Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ

natanika80@mail.ru

Энхбадрах Санждорж

Институт языка и литературы Академии наук Монголии, г. Улан-Батор

enkhbadrakh@yahoo.com

НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА БАРГУТОВ: СЮЖЕТЫ И МОТИВЫ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-21-03004 а(м).

Баргуты – один из малочисленных монголоязычных народов Китая, проживающих в Хулун-Буирском аймаке Автономного района Внутренняя Монголия, а также в приграничных восточных аймаках собственно Монголии. Этнические группы старых (*хуучин барга*) и новых (*шинэ барга*) баргутов имеют некоторые отличия по родовому составу, верованиям, обычаям и традициям, что может быть указанием на их различный этногенез. Ранее объектом нашего исследования была фольклорная традиция баргутов, рассматриваемая в сравнении с бурятской фольклорной традицией и в контексте общемонгольской. Нами были изучены наиболее крупные устойчивые формы: героический эпос и сказки [7; 8]. Целью настоящей статьи является рассмотрение несказочной прозы, а конкретнее – основных наиболее распространенных сюжетов и мотивов произведений, входящих в фонд несказочной прозы баргутов. Мифы, предания, устные рассказы баргутов привлекались в качестве источников в работах по истории и этногенезу их носителей и исполнителей, однако еще не выступали предметом специальных фольклорных исследований.

Ранее мы отмечали полисемантическую функцию слова *үлгэр* в монгольских языках, означающего и сказки, и легенды с преданиями, и устные рассказы, требуется лишь уточняющее слово [8]. Т.е. фактически вся сказочная и несказочная проза передается обширным термином *үлгэр*. Но если, к примеру, у бурят по отношению к несказочной прозе преобладает все-таки более узкий и точный термин *домог* – бур. ‘предание; миф, мифология; историческое повествование, рассказ’ (а *үльгэр* означает героический эпос), то у баргутов *siditü üliger* (ст. письм. монг. ‘волшебная сказка’) – это миф; *čidkiir-iin üliger* (ст. письм. монг. ‘сказка о чертях’) – демонологические рассказы; *arad-un üliger / yabuγan üliger* (ст. письм. монг. ‘народная сказка / пешая сказка’) – собственно сказки; *domuγ üliger / aman üliger* – предания и устные рассказы исторического характера и, вероятно, вообще в целом устные не стихотворные повествования. Может создаться впечатление, что весь огромный массив разножанровых прозаических нарративов сказочного и несказочного характера воспринимается носителями традиции как единый, как некий общий фонд сюжетов без четко выраженного деления на жанры, группы и т.д. При этом информанты-баргуты достаточно свободно оперируют этими терминами в силу размытости, неопределенности или даже в какой-то мере невозможности отнесения того или иного сюжета к конкретному жанру. Так, например, однозначно мифологический сюжет о живой воде носит название “Möngk-e-yin usu iregsen domuγ” («Предание о том, как появилась живая вода»); другой мифологический сюжет включает в название слово *үльгэр* – “Sarisun baγbūai-yin üliger” (букв. «Сказка о летучей мышши»). И в то же время предания о реально существовавших исторических личностях и происходивших событиях также могут определяться через слово *домог* – “Amuqai baγatur-un domuγ” («Предание об Амухай-баторе»). Однако такая точка зрения ошибочна в силу того, что на первый план выходит главный жанрообразующий признак жанров несказочной прозы – установка на достоверность. По нашим расспросам и наблюдениям, информанты четко отделяют мифы и сказочный жанр от преданий и устных рассказов именно потому, что «это сказка, так не бывает», хотя при этом могут делать оговорку: «может, и на самом деле это происходило, только очень давно, кто знает» [9].

Труднее выделить устные рассказы и исторические предания, поскольку и в тех, и в других установка на историческую достоверность (ссылки на очевидцев, воспоминания свидетелей события и т.д.) необычайно сильна и подкрепляется письменными свидетельствами (летописи, документы официальной канцелярии правящей маньчжурской династии Цин, хроники буддийских монастырей). Исторические нарративы охватывают широкий круг событий и явлений, их хронотоп не ограничивается пространством современного проживания баргутов и временным отрезком в два-три столетия. Героями преданий и рассказов выступают такие личности

общемонгольского масштаба, как Алан-гоа, прародительница «Золотого рода» Чингис-хана (примерно IX в.), сам Чингис-хан и его сподвижники (XII-XIII вв.), знаменитая Мандухай-хатун, в XV в. сумевшая вновь объединить разрозненные монгольские племена и непрочные родоплеменные союзы под властью одного правителя.

Большой популярностью и долгой народной памятью отличаются, по нашим наблюдениям, предания и рассказы о баргутских национальных героях – полководцах и воинах-батырах, которым свойственны ум, отвага, боевые заслуги; о политических лидерах, боровшихся против маньчжурской Цинской империи за автономию Внутренней Монголии; о буддийских священниках-ламах, помогавших простым людям. Кроме этого, во множестве бытовали рассказы о прославленных силачах, известных мастерах, знаменитых тренерах коней – победителей скачек.

Чем известнее историческая личность, тем более неординарными чертами она начинает обладать в народной памяти и тем более необычные, сверхъестественные явления и события связываются с ней. Так, одним из самых титулованных и именитых героев является полководец Дугар (1821-1886 гг.), которому после смерти баргуты построили храм-усыпальницу [1, с. 182]. С его именем связан цикл преданий, в которых наряду с точным и подтвержденным изложением подлинных данных прослеживаются очевидные фантастические элементы. Например, при рождении его пуповину перерезают наконецником стрелы, поскольку не могут перерезать обычными ножницами (мотивы неуязвимости чудесного ребенка, стрелы какместилища духа); в детстве он случайно встречается с одним из монгольских ханов, оценившим его ум (мотивы дорожных встреч, состязаний в остроте ума); будучи уже знаменитым военачальником, он является во дворец хана в полном боевом облачении и с оружием, издает боевой клич, от которого звенят оконные стекла, колеблется крыша, а придворные прячутся за хана и теряют сознание [12, т. 17-22]. Образ реально существовавшего человека проработан в богатейшем ключе, его действия и поступки, происшествия с ним интерпретируются исключительно как экстраординарные. Личность полководца приобретает сакрализованные черты, что подтверждается постройкой храма-усыпальницы, в которой хранится его почитаемое *сүлдэ* (монг. ‘духовная мощь, жизненная сила, дух’).

Соотношение достоверности, реальности и художественного вымысла, определяющее предание как жанр, ярче проявляется в генеалогических и топонимических преданиях, в которых повествуется о происхождении баргутов, их родовых и племенных связях и контактах, о миграции и передвижениях по землям нескольких государств в течение трех веков, освоении современной территории обитания.

Одним из известных и популярных сюжетов генеалогического характера является сюжет о Хоридае Мэргэне и его жене небесной деве-лебедице, считающихся прародителями одиннадцати родов бурят-хоринцев. Известность его у баргутов может объясняться тем, что Хоридай также считается одним из сыновей Баргу-батыра, предка баргутов. У бурят этот сюжет распространен чрезвычайно широко, имеет множество вариантов, зафиксированных как в устном бытовании, так и в письменном, получив обработку в летописях [11, с. 143-144]. Рассмотрим несколько вариантов предания, записанных у баргутов [12, т. 108], бурят, проживающих в России [3, н. 35-36, 38-39], и монгольских бурят [2, т. 214-215].

Таблица 1. Сюжеты баргутов и бурят

Баргуты “Qun sibaγun-u domuγ” (Предание о лебеди)	Монгольские буряты “Хорь Түмэд Хоридай мэргэний домог” (Предание о Хорь Тумэде и Хоридае Мэргэне)	Буряты РФ “Хори бурядай уг гарбал тухай” (О происхождении хори-бурят)	Буряты РФ “Хорёодой үбгэн” (Старик Хорёдой)
Младший сын Баргу-батыра Хоридай охотится на острове Ольхон	Охотятся вместе на берегу Байкала у устья реки Баргузин Хорь Тумэд и Хоридай Мэргэн	Охотится на берегу Байкала Хорилдой Мэргэн	Живет старик Хорёдой, не знающий своего происхождения
Видит 3 лебедиц, которые, опустившись на берег озера, превращаются в девушек и купаются. Он прячет одежду одной	Хорь Тумэд видит 9 лебедиц, которые, опустившись на берег озера, превращаются в девушек и купаются. Он прячет одежду одной	Видит 8 лебедиц, которые, опустившись на берег озера, превращаются в девушек и купаются. Он прячет одежду одной	На берег озера прилетают и купаются небесные девы. Он прячет одежду одной
Искупавшись, они надевают лебединые одеяния и улетают, одна остается	Искупавшись, они надевают лебединые одеяния и улетают, одна остается	Искупавшись, они надевают лебединые одеяния и улетают, одна остается	Искупавшись, они надевают лебединые одеяния и улетают, одна остается
Хоридай призывает свою мать – шаманку Ашуйган. Дует холодный ветер, и он ловит голую девушку			
Хоридай женится на девушке-лебеди	Хорь Тумэд женится на девушке-лебеди	Хорилдой Мэргэн женится на девушке-лебеди	Хорёдой женится на девушке-лебеди
От двух жен рождается 11 сыновей, которые стали прародителями 11 родов	Когда у них рождается 11 сыновей, жена просит вернуть ей лебединое одеяние	Когда у них рождается 11 сыновей, жена просит вернуть ей лебединое одеяние	Когда у них рождается 11 сыновей, жена просит вернуть ей лебединое одеяние

	Хорь Тумэд возвращает ей одежду. Она надевает ее, превращается в лебедя и улетает, напоследок сказав благопожелание своим детям	Хорилдай Мэргэн возвращает ей одежду. Она надевает ее, превращается в лебедя и улетает, напоследок сказав благопожелание своим детям	Хорёдой возвращает ей одежду. Она надевает ее, превращается в лебедя и улетает, напоследок сказав благопожелание своим детям
	Когда лебедь вылетает в дымовое отверстие, Хорь Тумэд пытается схватить ее запачканными в саже руками. С тех пор лапки у лебедей черные		Когда лебедь вылетает в дымовое отверстие, Хорёдой пытается схватить ее запачканными в саже руками. С тех пор лапки у лебедей черные

Сюжеты фактически совпадают, локус действия четко определен, топонимы и антропонимы почти идентичны, варьируясь фонетически. Однако представление о Хоридае – сыне Баргу-батара в бурятской традиции встречается довольно редко, в виде отдельного короткого сюжета [3, н. 46; 6, с. 156], и не связывается в этом контексте с женитьбой героя на деве-лебедице. Из 16 проанализированных нами бурятских текстов о Хоридае (Хори, Хорилдой, Хорёдой, Хорёлдой, Хоридой), его женитьбе и потомках этот герой связывается с Баргу-батаром лишь в одном тексте, причем не кровными узми, как сын, а брачно-родственными – как зять, женившийся на его дочери [3, н. 36], что отражено и в монгольском летописном памятнике «Сокровенное сказание монголов» [5, н. 12-13]. Тогда как у баргутов происхождение Хоридае и, следовательно, хори-бурят неизменно возводится к Баргу-батару, что подтверждается и полевыми материалами [9].

В баргутском варианте косвенно упоминается мать Хоридае – шаманка Ашуйган. Этот персонаж также широко известен в бурятских генеалогических мифах и преданиях (бур. Асуйхан, Асыхан, Асюухан), но в абсолютном большинстве сюжетов связан с другим первопредком бурят – Булагатом. Из тех же 16 бурятских текстов лишь в одном Асюухан выступает родной матерью Булагата и приемной матерью Хорёдой [3, н. 39]. Ни в одном тексте не встречаются вместе все три имени – Асуйхан, Хоридае и Баргу-батара. У баргутов представление о родственных связях этих трех персонажей (если брать шире, то представление об этногенетическом родстве баргутов и бурят), очевидно, имело более широкое распространение, получив фиксацию в своего рода «современных летописях» [1]. Бурятские варианты содержат довольно архаичные элементы – одинокий герой-первопредок, его женитьба на женщине из иного мира, очевидные тотемистические и этиологические мотивы, и в меньшей степени тяготеют к исторической правде. Баргутский вариант, сохранив некоторые древние мотивы, контаминирует сюжеты мифологического и исторического характера и, на наш взгляд, представляет собой попытку теснее связать происхождение бурят и баргутов.

Анализ бытовавших среди баргутов мифологических сюжетов показывает, что по большей части они входят в общемонгольский фонд. Зафиксирован нами, к примеру, и в устных сообщениях информантов [9], и в изданиях баргутского фольклора [12, т. 3] чрезвычайно распространенный не только среди монгольских (буряты, халха-монголы, ойраты), но и некоторых тюркских и тунгусо-маньчжурских народов (алтайцы, тувинцы, эвенки) сюжет о лучнике, сбившем стрелами лишние солнца на небе, раздвоившем своим выстрелом хвост ласточки и в наказание / за нарушение клятвы превратившемся в четырехпалого тарбагана (сурка). Этот сюжет известен в нескольких вариантах, довольно близких по содержанию и основным этиологическим мотивам. Баргутский вариант не отличается особой оригинальностью, но как отличительную особенность можно отметить такого персонажа, как Будда (ст. письм. монг. *Burqan baysi*), который играет роль спасителя всего живого: когда герой Эрхий Мэргэн (ст. письм. монг. *Erekei mergen* букв. 'Большой палец меткий стрелок'), поспорив с ним, сбивает девять солнц, то Будда, решив, что нельзя допустить темноты и мрака во Вселенной, прячет десятое солнце в свое одеяние; тем самым Эрхий Мэргэн проигрывает спор, нарушает клятву, данную им, что он собьет все солнца, и превращается в тарбагана [Ibidem]. В ойратском (дурбэтском) варианте этого мифа божество также представлено как Будда [4, т. 107-108]. У бурят, халха-монголов и эвенков чаще всего это либо Хормуста (персонаж шаманской мифологии), либо абстрактное божество, либо вообще отсутствует как персонаж [2, т. 136-137; 10, с. 79], что, безусловно, указывает на сохранность и более древний характер этих вариантов.

К другим распространенным среди монгольских народов мифологическим сюжетам относятся следующие: о летучей мыши, которая относит себя то к животным, то к птицам; о ласточке и осе, посланных верховным божеством узнать, чья кровь вкуснее; о живой воде и о том, почему хвойные деревья стали вечнозелеными, и др. [2, т. 140; 6, с. 78-79; 12, т. 3-9].

Итак, несказочная проза баргутов включает в себя мифы, предания и устные рассказы. Баргутская мифология имеет общемонгольский характер, подобные сюжеты можно найти в халхасском, бурятском, ойратском мифологическом фонде. Предания и устные рассказы демонстрируют осведомленность баргутов о выдающихся личностях, известных во всем монгольском мире, свидетельствуют о вовлеченности баргутов в крупные исторические события, происходившие в обширном центральноазиатском регионе на протяжении сотен лет. Они также указывают на непрерывность и сохранность устной традиции в непростых условиях кочевого скотоводства, проживания в разнородном этническом соседстве на территории иноязычного государства.

Список сокращений

Монг. – монгольский;
букв. – буквально;

бур. – бурятский;
ст. письм. монг. – старописьменный монгольский.

Список источников

1. Ванчикова Ц. П., Миягашева С. Б. Летопись О. Амаржаргала «О происхождении и историческом развитии барга-бурят» как источник интерпретации этнической истории традиционной культуры барга-бурятской общности // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 4. С. 179-189.
2. Гаадамба Ш., Цэрэнсодном Д. Монгол ардын аман зохиолын дээж бичиг. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1978. 304 т.
3. Гунгаров В. Ш. Буряад арадай түүхын домогууд. Улаан-Үдэ: Буряад номой хэблэл, 1990. 176 н.
4. Кагуу Б. Дөрвөд ардын аман зохиол. Улаанбаатар: Монгол улсын Шинжлэх ухааны академийн хэл зохиолын хүрээлэн, 2005. 387 т.
5. Монголой нюуса тобшо. Сокровенное сказание монголов. Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 1990. 318 н.
6. Небесная дева-лебедь: бурятские сказки, предания и легенды / сост., зап. И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова; пер. и предисл. А. И. Тугутова; коммент. И. Е. Тугутова, А. И. Нуркаевой. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 368 с.
7. Николаева Н. Н., Энхбадрах С. Героический эпос баргутов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (54). Ч. 4. С. 157-160.
8. Николаева Н. Н., Энхбадрах С. Сказочный эпос баргутов: об одном общемонгольском сюжете // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (65). Ч. 2. С. 30-34.
9. Полевые материалы автора. Материалы экспедиции по гранту РГНФ № 15-21-03004 а(м) «Монголоязычные этносы северо-востока Китая: история, культура, язык». Старобаргутский, Новобаргутский Восточный хошуны Автономного района Внутренняя Монголия КНР. 03.07.2016-17.07.2016 г. Запись на диктофон и расшифровка Н. Н. Николаевой.
10. Хангалов М. Н. Сказания буряты, записанные разными собирателями. Записки Восточно-Сибирского Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по этнографіи. Иркутскъ, 1890. Томъ I, выпускъ 2-й. 160 с.
11. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные как источники по истории бурят. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2001. 256 с.
12. Punčuyvangjil. Sin-e баргу jegün qosiyun-u aman üliгер. Ulañanqadu: Öbür Mongğul-un kümüjil-ün keblel-ün qoriy-a, 2016. 468 т.

THE BARGA MONGOLS' NON-FABULOUS PROSE: MOTIVES AND STORYLINES

Nikolaeva Natal'ya Nikitichna, Ph. D. in Philology

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude
natanika80@mail.ru

Enkhbadrakh Sanzhdorz

Institute of Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences, Ulan-Bator
enkhbadrakh@yahoo.com

The article aims to examine non-fabulous prose of the Barga Mongols, small Mongol-speaking ethnoses of China. In the comparative aspect the paper analyzes the Barga Mongolian, Buryat and Khalkha Mongolian narratives of mythological, genealogical and historical nature. The authors conclude that the Barga Mongolian oral narrative tradition is characterized by the diversity of storylines and motives, stable set of personages, and well-preserved All-Mongolian archetypes.

Key words and phrases: tradition; non-fabulous prose; myths; legends; oral stories; Mongolian peoples; storyline; motive.

УДК 821.161.1

В статье рассматриваются тексты богородичной тематики – духовные стихи, апокрифы, распространенные в рукописной традиции коми крестьян-старообрядцев верхней Вычегды в конце XIX – XX в.: «Сон Богородицы», «Плач Богородицы», «Успение Богородицы». Неканонические тексты апокрифической направленности, являясь переводами русских источников на коми язык, отражают особое почитание образа Богородицы в среде коми населения, а также интерес к занимательным сюжетам о земной жизни и об успении Богородицы, неизвестным по библейским текстам.

Ключевые слова и фразы: верхняя Вычегда; коми крестьянские книжники; старообрядческая литература; апокрифы; духовные стихи; апокрифические сюжеты.

Прокуратова Екатерина Владимировна, к. филол. н., доцент

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
eprokuratova@yandex.ru

ОБРАЗ БОГОРОДИЦЫ В АПОКРИФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ КРЕСТЬЯН ВЕРХНЕЙ ВЫЧЕГДЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-14-11004, а(р).

Образ Богородицы – небесной заступницы человечества и просительницы перед Богом – является одним из почитаемых в христианской традиции. Как известно, новозаветные тексты не дают подробной информации